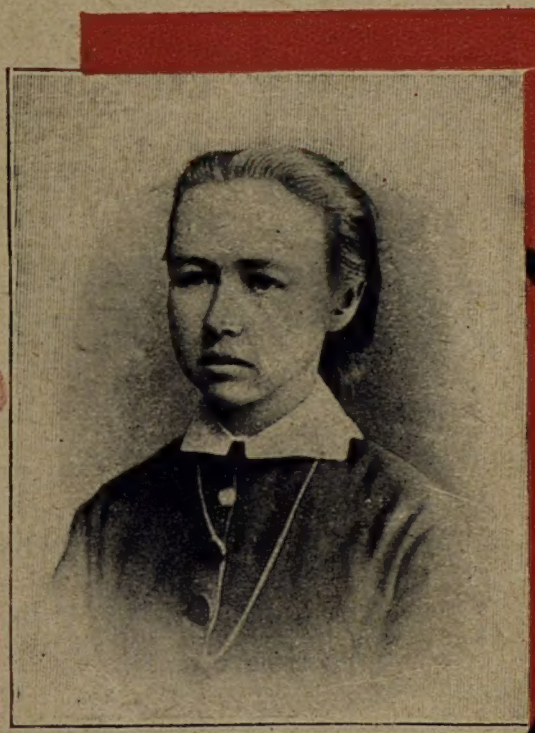
БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ПИОНЕРА

ВАЛЕНТИНА КОРДЕС

11924

ГЕ14Ь
К751

92
П27



СОФЬЯ ПЕРОВСКАЯ

НОВАЯ МОСКВА

А.Р.

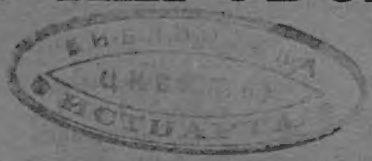
11924

БИБЛИОТЕКА ЮНОГО ПИОНЕРА
под общей редакцией МК РЛКСМ

ВАЛЕНТИНА КОРДЕС

СОФЬЯ ПЕРОВСКАЯ

92
П27



Под редакцией
Истпартотдела МК РКП (б)

НОВАЯ МОСКВА
1926

3 экз

84
ГЕ146
К751
65945

ОТПЕЧАТАНО
в колич. 9.000 экз.
в тип. «ДЕР ЭМЕС»
Москва, Покровка 9
Телефон № 2-72-14.
Мосгублит № 2230

Предисловие

Прошло всего несколько лет, как рабочие и крестьяне России свергнули царскую власть.

Но уже мы, взрослые, начинаем забывать о ней, а дети так и совсем не помнят ее.

Не помнят и часто даже не знают, как страдала вся страна от тяжкого царского гнета, как долго и трудно было бороться с ним русскому народу.

Слишком темен, слишком придавлен был народ вековым рабством, чтобы легко отважиться восстать против царя.

И долгое время только—то там, то здесь—вспыхивали отдельные восстания, бунты, когда уже совсем невтерпеж становилось от жестокости царских слуг.

Все эти бунты немедленно подавлялись, и правительство со страшной жестокостью расправлялось с восставшими.

Но иногда восстание захватывало собою целые губернии, и правительству приходилось вести с населением настоящие сражения.

Таков был бунт Стеньки Разина и Пугачева и крестьянские восстания 60—70 г.г.

Но, кроме того, что народ был темен и запуган, у него долгое время не было сознания, что главное зло его жизни происходит от того, что хозяином всей страны является один человек—«самодержавный государь», и что «царь-батюшка» заботился вовсе не о счастье и пользе всего народа, а только о самом себе да о благополучии своих слуг: помещиков, богачей и духовенства.

Сознание, что «хозяином страны» должен быть сам народ, а не царь с кучкой своих приближенных, появлялось постепенно.

Медленно входило оно в забитые умы придавленного народа, и только тогда, когда большинство поняло это, произошла революция 1917 года, и царская власть была свергнута.

Но долго пришлось ждать этого освобождения. И тогда лучшие люди страны, которые не могли равнодушно смотреть на страдания народа, встали на его защиту и начали сами упорную, страшную борьбу с русским самодержавием.

Немного было их, всего кучка, т. к. тяжела и опасна были их борьба. Она требовала от человека не только всех сил, но и самой его жизни.

И эта жизнь, полная борьбы и подвигов, оставила в сердцах окружающих неизгладимый след, и рассказы о самоотверженности и смелости этих людей передаются из поколения в поколение.

Первая попытка свергнуть царя, чтобы освободить страну от царского гнета, была сделана сто лет тому назад декабристами.

Но эта первая попытка кончилась ничем, и жестокая расправа царя с горсточкой храбрецов надолго заставила замолкнуть всякий протест.

Но через пятьдесят лет выросли новые борцы, которые об'явили беспощадную, жестокую борьбу царскому самодержавию.

В этой великой, небывалой нигде в мире борьбе горсточки лучших людей с всесильным императором одно из первых мест занимает молодая революционерка Софья Перовская.

Великое сердце билось в ее груди, сердце, умевшее пламенно любить и пламенно ненавидеть.

Она и ее товарищи охотно жертвовали своей жизнью в этой страшной борьбе, т. к. надеялись, что их геройские усилия расчистят путь народу, по которому он потом сможет пойти сам для завоевания своего счастья и свободы.

Но геройская борьба Софьи Перовской и ее товарищей не освободили Россию от царизма.

Народовольцы [1]) убили императора Александра II-го, но на его место стал Александр III и страна попрежнему задыхалась от гнета царской власти.

---

[1]) Народовольцами назывались члены партии Народной Воли, к которой принадлежала С. Перовская и ее товарищи.

И понемногу все яснее и яснее становилось трудящемуся люду, что дело освобождения есть дело его собственых рук.

Сколько бы отдельные герои, жертвуя своей жизнью, ни уничтожали того или иного чиновника, министра и даже самого царя, от этого по существу, коренным образом ничего не изменится, т. к. в том, что народ беден и бесправен, виновны не отдельные лица, а весь строй жизни.

И когда в 1917 г. русский народ восстал целиком, и, сбросив царя, уничтожил и самую царскую власть, оказалось, что борьба за лучшее будущее еще далеко не окончена.

Царской власти не было, но осталось главное зло, главная несправедливость—это деление всех людей на два класса: имущих и неимущих, угнетенных и угнетателей.

И теперь мы твердо знаем, что, пока будет существовать это деление, до тех пор будет существовать нищета, горе и страданье.

Борьба за лучшее будущее только тогда будет успешна, когда в ней примут участие не отдельные герои, а весь трудящийся люд и не в одной какой-либо стране, а во всем мире, потому что интересы трудящихся везде одни.

Американский рабочий так же страдает от несправедливости, как и работающий на плантации негр, как и китайский кули [1]).

---

1) Кули—чернорабочий.

И неоткуда ждать им спасения и избавления, как только от самих себя.

Только общими, дружными усилиями сбросят они вековой гнет, вековую несправедливость. Поэтому-то на всех знаменах трудящихся всего мира написаны одни и те же слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

ЧАСТЬ I

Детство

Софья Перовская родилась в 1854 г. в богатой, знатной семье, но невеселое детство выпало на ее долю.

Отец ее, важный чиновник, обходительный и любезный с посторонними, дома был грубым и жестоким самодуром. Вся семья сильно страдала от его глупых капризов и грубых выходок. Больше всего страдала от них мать Перовской, кроткая, нежная женщина, которую муж постоянно оскорблял, не стесняясь присутствия детей и даже посторонних.

Но Соня росла не робким и запуганным ребенком. Отец вселял ей не страх, а ненависть и возмущение против себя и против всякой грубой силы. И эта ненависть против насилия и гнета осталась у Перовской на всю жизнь.

Мать свою Соня горячо любила и, после грубых выходок отца, она крепко прижималась к оскорбленной матери, плакала вместе с ней и старалась утешить ее своими ласками.

Но, к большому огорчению Сони, мать не могла уделять ей много времени.

Отец занимал важную должность: сперва он был губернатором в Пскове, а потом в самом Петербурге [1]). Отец требовал, чтобы жена постоянно бывала в обществе, принимала участие в разных торжествах, так что ей некогда было много заниматься детьми.

Соня росла живым, резвым ребенком.

Она рано бросила кукол и стала постоянной участницей в играх своих братьев.

Любила она играть в «сражение с разбойниками» и с увлечением билась деревянным мечом с огромными зарослями крапивы, изображавшими страшных разбойников, или воображала себя отважным мореплавателем, катаясь с братьями по реке на самодельном плоту, с простыней вместо паруса.

Была она всегда смела и отважна.

Брат Перовской в своих воспоминаниях о ней говорит, что не помнит ни одного случая, когда бы Соня испугалась чего-либо.

Маленькой девочкой она как-то отправилась с ним поздно вечером на охоту на медведя, взяв с

---

[1]) Петербург—так назывался раньше Ленинград.

собою нож, которым они думали убить медведя, если бы это не удалось сделать из ружья.

Охота не удалась, и, все промокшие в росе, они потихоньку вернулись домой, и Соня незаметно юркнула в постель, никому не проговорившись о своем похождении.

А однажды, когда ей навстречу по дороге бежала бешеная собака, и брат в страхе закричал ей об этом, Соня не растерялась, не вскрикнула, а «отошла в сторону не больше как на четыре, пять шагов и спокойно смотрела на собаку, пока та миновала ее».

Такой бесстрашной осталась она на всю жизнь. Никогда не бежала она от опасности, а спокойно встречала ее лицом к лицу.

Читать Соня научилась с 8-ми лет и сразу пристрастилась к книгам.

Учили ее дома, приглашая разных учителей. Но этим занятиям не придавали серьезного значения. Главным в то время для молодой девушки считалось знание иностранных языков, особенно французского, уменье танцовать да иметь хорошие манеры. И в доме Перовских была особая гувернантка, которая и обучала Соню всему этому.

С переездом в Петербург в доме пошла шумная, блестящая жизнь: постоянно устраивались балы, вечера, постоянно толпились гости.

Не по душе были Соне все эти празднества, шум и блеск. Редко появлялась она в пышных

гостиных, никогда не танцовала и мало разговаривала с гостями, предпочитая сидеть у себя в комнате, погруженная в свои любимые книги.

Юность

Когда Соне исполнилось двенадцать лет, в жизни семьи совершилась перемена, благодаря которой Соня и мать на несколько лет избавились от совместной жизни с отцом.

В 1866 году было совершено покушение на царя Александра II.

И Перовский за то, что не усмотрел, не уберег «священную особу» царя от дерзкого нападения, был смещен с должности губернатора.

Только ради его прежних заслуг да главным образом ради его знатного происхождения дали ему небольшую должность при одном из министерств. От этого денежные дела отца сильно пошатнулись, и для сокращения расходов мать с дочерьми уехала в свое имение в Крым. Отец же и братья, которые находились в учебных заведениях, остались в Петербурге.

Бесконечно рада была Соня этой перемене в их жизни.

Отец, отравлявший всем жизнь, был далеко, а любимая мать могла уделять ей теперь много времени. Кроме того, в имении оказалась большая

С. Перовская в 1866 г.

библиотека, так что не было недостатка в книгах. Были там и хорошие верховые лошади, и Соня без устали носилась верхом по окрестностям. Словом, она чувствовала себя вполне счастливой. О потерянной роскоши и блеске она нисколько не жалела.

А летом бывало и вовсе хорошо.

Приезжали на каникулы из Петербурга братья и привозили с собой столько увлекательных рассказов, столько новых интересных книг.

Тогда Россия переживала особое время, она как будто просыпалась от глубокого сна.

В 1861 г. произошло освобождение крестьян, и многим казалось, что должно наступить освобождение и всей жизни страны — освобождение от тяжелого гнета царской власти, от вековых предрассудков и суеверий.

Пробудился большой интерес к науке, особенно к естествознанию, появились талантливые писатели — Чернышевский, Писарев, Добролюбов, которые своими книгами старались помочь людям в этом стремлении к раскрепощению жизни и мысли.

Жадно впитывала в себя Соня все эти рассказы и книги, и у нее появилось горячее желание серьезно учиться, учиться, чтобы узнать, как можно и нужно построить новую жизнь.

Для этого она хотела ехать в Петербург и поступить там на только что открывшиеся первые к России Женские Курсы.

Мать пошла навстречу этому желанию Сони. Она выделила ей и сестре часть денег от продажи имения, чтобы девушки могли не зависеть от отца, который никогда не дал бы согласия на поступление их на курсы. Отец Перовской был человек старых взглядов и враждебно относился ко всему новому.

Но в то время и не только такие приверженцы старины, как Перовский, относились враждебно к открывшимся курсам.

Очень многие думали, что ученье совсем не женское дело и считали поступление девушки на курсы чем-то прямо неприличным, позорным.

И часто девушки для того, чтобы иметь возможность учиться, должны были уходить из дома.

То же сделала и Соня.

Чем старше она становилась, тем нестерпимее, труднее для нее было переносить гнет отца.

Поступление Сони на курсы выводило Перовского из себя, и он постоянно устраивал ей всякие сцены и, наконец, запретил приходить к ней ее подругам по курсам.

Соня не захотела больше терпеть капризы и придирки отца, ушла из дома, и поселилась у своих товарок.

Отец был вне себя от ярости.

Девчонка не только не соглашалась подчиниться ему, но еще решилась на открытый бунт— ушла из семьи!

Но он ей покажет, заставит подчиниться!

И Перовский подал заявление в полицию, в котором требовал, чтобы полиция вернула ему сбежавшую дочь: она не имеет паспорта и не может потому жить отдельно.

По тогдашним законам полиция должна была исполнить требование Перовского, и Соне грозило позорное возвращение.

Но старший брат уговорил отца «не затевать скандала» и выдать дочери отдельный паспорт. Отец, в конце концов, согласился, но запретил Соне бывать в доме.

И когда ей хотелось повидаться с любимой матерью, то приходилось для этого тайком пробираться по черному ходу.

Первые друзья и первая работа

На курсах Перовская сблизилась с кружком чайковцев.

Так назывался кружок молодежи, по имени одного из основателей этого кружка—студента Чайковского.

Чайковцы хотели облегчить, улучшить невыносимо тяжелую жизнь русского народа. Прежде всего они считали необходимым вывести народ из его вековой тьмы и невежества, т.-е. просветить его. Для этого чайковцы стали издавать и распространять среди народа хорошие доступные книжки.

„Вечеринка".

Члены кружка были самыми мирными людьми. Они увлекались идеями социализма и думали, что стоит только об'яснить народу, как хороша будет жизнь при социализме, и все сразу согласятся с этим и перестроят жизнь по-новому.

Все члены кружка были связаны между собою самой искренней, глубокой дружбой. Они составляли как бы одну семью, в которой все любили и уважали друг друга.

Новый член принимался только с общего согласия.

От членов кружка, кроме работы по общему делу, требовалась еще работа над самим собой. Каждый должен был стараться быть прежде всего хорошим, честным человеком.

65945

Сперва чайковцы вели работу только среди учащейся молодежи. Потом стали вести ее и среди рабочих Петербурга: устраивали для рабочих кружки по обучению грамоте, читали им книги и вели беседы о социализме.

Затем решено было перенести работу и на крестьян. В это время среди лучшей части молодежи появилось стремление «итти в народ».

Юноши и девушки под видом разносчиков, ремесленников, батраков, учительниц и фельдшериц шли в деревню, чтобы вести там пропаганду.

Захотела поехать на работу в деревню и Соня. И в 1872 году она под видом оспопрививательницы побывала во многих деревнях Самарской губ. Те, кто встречался с нею там, рассказывают, что

Перовская в это время закаляла себя, готовясь к тяжелой и суровой жизни революционерки. Девушка, выросшая в богатой изнеженной обстановке, приучала себя спать на голых досках, есть простую, грубую пищу, работать без устали в душных, грязных избах.

К крестьянам она относилась с такою любовью и вниманием, что завоевала всеобщую любовь. Чтобы иметь возможность всегда работать в деревне, Соня выдержала экзамен на учительницу. В 1873 г. она вернулась в Петербург, чтобы снова работать в кружке чайковцев.

А чайковцы в это время были уже не так мирно настроены, как прежде. Они начали тайно печатать запрещенные в России книги и на занятиях с рабочими больше говорить о неустройстве жизни в стране и необходимости переделать эту жизнь. Соня начала заниматься с несколькими кружками рабочих, но работа эта была скоро прервана. Нашелся предатель, который донес полиции о занятиях кружков, и многие чайковцы, в том числе и Соня, были арестованы.

Но т. к. полиция не сумела найти против Перовской никаких серьезных обвинений, то согласилась выпустить ее из тюрьмы на поруки отца, но потребовала при том, чтобы она сейчас же выехала из Петербурга.

Три года пришлось Перовской прожить вдали от Петербурга, вдали от своих друзей, прервать учение на курсах.

Но Соня не упала духом, она не стала терять времени в пустых сожаленьях, а постаралась провести его, как можно полезнее.

Она готовилась к работе среди крестьян, но теперь ей уже нельзя было поехать в деревню в качестве учительницы.

После ареста она считалась «неблагонадежной», и ей нигде не разрешили бы учительствовать. И Перовская решила стать фельдшерицей, чтобы было с чем ехать в деревню.

Леча крестьян, она могла свободно вести пропаганду.

Но прежде, чем поступить на фельдшерские курсы, Перовская некоторое время прослужила сестрой милосердия при городской больнице в Симферополе.

Соня оказалась изумительной сестрой — все больные горячо ее полюбили.

Она не только заботливо ухаживала за ними, но входила во все их горести и радости и своим нежным участием облегчала многим их страдания.

Рассказывают, что одна тяжело больная старуха говорила, что при виде Сони, она забывает свои ужасные боли.

Сама наружность Сони уже привлекала всех.

Товарищ Перовской, известный революционер и писатель Кравчинский, так описывает ее:

«Она была хороша собой, хотя наружность ее принадлежала к тем, которые не ослепляют с первого взгляда, но тем больше нравятся, чем больше в них всматриваешься.

Белокурая головка с парой голубых глаз, серьезных и проницательных, под широким выпуклым лбом; мелкие тонкие черты лица; розовые полные губы, обнаруживающие, когда она улыбалась, два ряда прелестных белых зубов. Было что-то резвое, бойкое и, вместе с тем, наивное в ее круглом личике.

Это была олицетворенная юность.

Маленькая фигурка, стройная, грациозная и свежий звонкий, как колокольчик, голос. Она была очень смешлива и смеялась с такой беззаветной неудержимой веселостью, что в эти минуты ее можно было принять за пятнадцатилетнюю девочку-хохотушку. Своей наружностью она решительно не занималась. Одевалась она с величайшей простотой, но любила чистоту до страсти»

Перовская поступила на фельдшерские курсы, окончила их и работала при больнице до 1877 года, когда ее вызвали в Петербург на суд.

Суд по делу «193-х»

Хотя Перовская была освобождена из тюрьмы в 1874 г., но дело ее не было прекращено.

Напав на след кружка чайковцев, правительство начало усиленную слежку и в течение нескольких лет обнаружило по всей России еще несколько кружков молодежи. Эти кружки вели такую же работу, как и чайковцы.

Хотя кружки эти ничего особенного, опасного не представляли, но правительство сильно боялось всякого недовольства. Поэтому оно решило жестоко расправиться с участниками кружков, чтобы надолго прекратить их существование.

Все участники их были привлечены к суду по так называемому «делу 193-х» (или «большому процессу»).

Перед началом суда правительственные газеты писали о том, что удалось открыть какой-то ужасный заговор, и заговорщиками являются преступные, злостные личности.

Судьям дан был приказ присудить обвиняемых к самым тяжелым наказаниям.

Но когда публика собралась на суд в ожидании увидеть ужасных злодеев и преступников, то, к своему изумлению, вместо них увидела молодых девушек и юношей, горячо любящих Россию и готовых пожертвовать собой за счастье ее народа.

Судьи всячески старались помешать подсудимым высказывать свои взгляды и убеждения, грубо подавляли всякие их протесты против несправедливостей, творящихся на суде.

Замечательную речь сказал один из подсудимых—Мышкин.

Он бросил в лицо судьям обвинение в том, что они из-за чинов, крупных окладов торгуют своей совестью и превращают суд в позорную комедию.

Несмотря, однако, на все старания судей обвинить подсудимых, суду пришлось все-таки совершенно оправдать 90 человек, в том числе и Перовскую.

Остальных приговорили к разным срокам тюремного заключения, а Мышкина и еще троих подсудимых — к 10-ти годам каторги.

Царь не только утвердил этот жестокий приговор, но и приказал еще заковать в кандалы четверых приговоренных к каторге на весь 10-летний срок их заключения.

ЧАСТЬ II

Перовская пытается освободить осужденных товарищей.

Жестокий приговор, вынесенный Мышкину, сильно взволновал революционеров, и у многих явилась мысль освободить его из рук правительства.

Горячее всех откликнулась на эту мысль Перовская. Она вся горела мыслью спасти отважного товарища и приняла самое деятельное участие в составлении плана его освобождения.

В это время кружок чайковцев уже распался, но многие его члены вошли в только что возникшую первую в России революционную партию «Земля и Воля». Перовская тоже вступила в нее, и план освобождения Мышкина составлялся ею уже совместно с членами партии «Земли и Воли».

Мышкина должны были перевезти из Петербурга в Харьковскую тюрьму, и революционеры

решили отбить его у жандармов во время его перевозки из тюрьмы на вокзал.

Для этого были сорганизованы боевые отряды, и заговорщики следили постоянно за тюрьмой и вокзалом.

Но жандармы пронюхали о готовящемся освобождении и обманули революционеров. Вместо того, чтобы везти Мышкина пассажирским поездом, как обычно возили арестантов, они увезли его в товарном поезде, и товарищи узнали об этом, когда Мышкин был уже в Харькове. Кравчинский рассказывает: «Трудно описать, что сделалось с Перовской после этой неудачи.

Попавшегося ей на глаза в этот день участника плана освобождения она разругала самым несправедливым образом, и после этого ходила злой-презлой. Это не мешало, однако, ей в это же время ласково и внимательно ухаживать за одной знакомой, тяжело больной».

Но не такова была Соня, чтобы из-за неудачи отказаться от задуманного плана.

Не удалось освободить Мышкина, надо попытаться освободить других товарищей.

И вместе с другими революционерами она решила сделать попытку освободить остальных осужденных на каторгу.

Для этого Перовская еще с несколькими товарищами отправилась в Харьков.

Там один из них поселился под видом богатого помещика, двое других под видом его слуги и ку-

чера, одна из участниц заговора изображала важную барыню—жену помещика, а Соня разыгрывала при ней горничную.

Молодая горничная оказалась очень любознательной, она постоянно ходила осматривать город, при чем особенно любила гулять около вокзала и тюрьмы.

Через Перовскую заговорщики поддерживали связь с местными товарищами и получали все нужные сведения.

Приехавший помещик купил себе четыре хороших лошади и бричку. Кроме того, он достал полную форму жандармского офицера.

Наконец, было получено из Петербурга извещение, что в Харьков отправлены в товарном поезде — с величайшей таинственностью и под огромным конвоем — четверо осужденных.

Заговорщики предполагали, что осужденных не довезут до самого города, а высадят на ближайшей станции, откуда в тюрьму повезут уже на лошадях. Поэтому мнимый помещик, переодевшись в форму жандармского офицера, с двумя спутниками и двумя верховыми, выехал им навстречу, захватив с собою кинжалы и револьверы.

Но жандармы повезли осужденых по другой дороге, и заговорщикам пришлось вернуться ни с чем.

Однако товарищи, следившие за тюрьмой, сообщили, что привезли только трех осужденных,

четвертого товарища, Войнаральского, повезут завтра.

На другой день заговорщики снова выехали по дороге к станции и на этот раз встретили повозку, в которой ехал Войнаральский под охраной двух жандармов.

Что произошло дальше, один из участников заговора описывает так:

«Двое наших быстро выскочили из брички. Одетый офицером выступил на дорогу и крикнул жандармам:—Стой!

Ямщик осадил лошадей.

— Куда едешь? — спросил наш офицер, подойдя к кибитке.

— В Новоборисоглебск — отвечал один из жандармов, делая под козырек.

Наш второй товарищ выстрелил в него, но промахнулся.

— Что тут? Что это?! — крикнул в испуге другой жандарм, но пуля нашего офицера свалила его на дно повозки.

Испуганные лошади жандармов дернули и помчались. Произошло смятение.

Мы пустились в погоню кто на лошадях, кто, не успев вскочить в бричку, пешком.

Промахнувшийся товарищ сделал еще два выстрела, но безуспешно.

Верховой, находившийся немного впереди, повернул назад, но его собственная лошадь, испугавшись, заортачилась. Справившись, наконец, с ней

и догнав жандармов, он на всем скаку выпустил в жандармских лошадей все шесть выстрелов своего револьвера.

Но израненные лошади помчались еще быстрее мимо бежавших в сторону прохожих, мимо хохлов-косарей, оставивших работу и, опершись о косы, с удивлением смотревших на происходящее.

Но расстояние между нами и жандармами все увеличивалось. Наш кучер напрягал последние усилия, чтобы догнать их, но его лошади, видимо, уступали по быстроте лошадям жандармов.

Ожидая, что Войнаральский выскочит из кибитки, мы гнались почти до самого селения.

Наконец, убедившись в бесполезности дальнейшей погони, решили вернуться в Харьков».

Войнаральский не мог выскочить из повозки, потому что жандарм острием своей шашки пригвоздил звено его кандалов ко дну повозки.

Заговорщики решили немедленно уехать из Харькова, т. к. знали, что полиция сейчас же станет их разыскивать.

И, действительно, когда они через несколько часов приехали на вокзал, там уже были жандармы, внимательно разглядывающие от'езжающих.

Был здесь и дворник дома, где жили заговорщики,—его вызвали на вокзал, чтобы он опознал среди публики своих бывших хозяев.

Дело в том, что жандармам удалось проследить, куда заезжали заговорщики после схватки, и, не успев арестовать их дома, они захватили дворника

на вокзал, предполагая, что заговорщики поспешили уехать.

Но задержать удалось лишь одного.

«Барыня» Перовской надела вуаль и вышла на платформу под-руку с каким-то важным генералом, с которым поспешила познакомиться на вокзале. В руках у нее был маленький чемоданчик, в котором она увозила револьверы и кинжалы.

Другой товарищ благополучно вскочил в поезд уже на ходу.

Перовская же отказалась от немедленного бегства. Она была страшно огорчена и возмущена неудачей, осыпала товарищей упреками и, не слушая их оправданий, повторяла: — Зачем давали промахи? зачем не гнались дальше?

Пренебергая грозящей опасностью, как всегда спокойная и смелая, он решила еще пробыть в городе. Хотела убедиться до конца в том, что не осталось никакой возможности освободить осужденых.

Арест и бегство

Убедившись, что освобождение заключенных товарищей невозможно, Перовская поехала в Крым, чтобы повидаться с матерью.

Но едва она приехала туда, как сейчас же была арестована.

Дело в том, что некоторые члены правительства были чрезвычайно недовольны приговором по «делу 193-х», находя его слишком мягким, и вскоре из 90 оправданных 80 человек были снова арестованы и высланы в далекие места.

Перовская была назначена на высылку в Олонецкую губернию.

И вот началось невеселое путешествие с теплого юга на далекий север под охраной двух жандармов. Бедная Соня, она еще не оправилась от тяжелых неудач при попытке освободить товарищей! В голове у нее возникали новые планы спасения томящихся узников, а тут вдруг ее самое арестовывают и везут далеко в глушь, откуда она ничем не сможет помочь заключенным.

И, конечно, Соня ни на минуту не думала подчиниться приговору и решила бежать при первой возможности.

Она бы, пожалуй, и могла это сделать, т. к. надзор в начале пути не был очень строгим. Конвойными попадались все добродушные, малоопытные жандармы, но именно потому Соня не решалась бежать.

Добрая, деликатная, она жалела этих молодых парней, зная, что за ее бегство их ждет жестокое наказание.

Но вот уже недалеко от Петербурга при новой смене конвойных появилось два пожилых жандарма. Старые опытные лисицы, они совсем иначе стали обращаться с арестанткой.

Соня вздохнула свободнее, этих людей ей не было жалко, и она могла теперь заботиться только о себе.

Да и пора было действовать.

До Петербурга оставалось совсем недалеко, а там бежать было бы очень трудно.

Вечером последнего дня пути была пересадка, и, в ожидании дальнейшей поездки, пришлось заночевать на маленькой станции.

Жандармы поместили Перовскую в дамской комнате. Она улеглась на диване, а конвойные расположились на полу: один жандарм около дверей, другой около окна.

Улеглись, и началась жуткая игра в слежку.

Жандармы будто дремлют, но то и дело открывают глаза и подозрительно смотрят на арестантку. А та тоже из-под прищуренных глаз следит за жандармами.

Но, чем дальше идет ночь, тем реже открывают глаза жандармы, надеясь на свой слух ищеек, и, наконец, крепко засыпают оба.

Но Соня не спит. Еще несколько часов, наступит рассвет и бежать будет невозможно.

Нельзя терять ни минуты, бежать надо немедленно. Но как?

План до смешного простой: уйти из комнаты, перешагнув через спящего жандарма.

Дверь открывается наружу—это облегчает бегство.

И вот тихо, тихо подымается Соня с дивана, оставляя на нем свою верхнюю одежду.

Сложила ее так, что в полутьме она кажется лежащей фигурой.

Неслышно крадется к двери. Всего несколько шагов до нее, но как трудно их сделать.

Каждый шорох, скрип может разбудить жандармов.

Страшно—но только смелость может спасти ее, и Соня смело доходит до двери, перешагивает через спящего жандарма и выходит в вокзальную залу.

Пусто, тихо... Перовская выбегает наружу, скорей надо куда-нибудь спрятаться.

Около станции частый кустарник. Соня прячется в кусты.

Но что делать дальше? Куда итти? Где скрыться?

Вдруг раздается отдаленный шум поезда.

Это идет «скорый» на Петербург.

Соня быстро решает: «Надо уехать с поездом, тогда жандармы не догонят».

Поезд останавливается на несколько минут, Перовская незаметно прыгает в один из вагонов, и с нетерпением ждет от'езда..

Ведь шум поезда мог разбудить жандармов, и каждую секунду они могут выбежать на платформу в погоне за ней.

Но жандармы, видно, спали крепко, и Соня благополучно уехала от своих телохранителей.

Однако вскоре перед ней встает новая опасность. Боясь указать след, она не взяла на станции билета. Скоро явится контроль, и ее, как безбилетную, ссадят с поезда, составят протокол, потребуют паспорт, и дело может окончиться плохо.

Действительно, контроль скоро появился, но Соня не растерялась.

Мгновенно она превратилась в глупую деревенскую бабу, которая впервые едет по железной дороге и ни о каких билетах понятия не имеет.

Она так хорошо разыграла эту роль, что пассажиры сперва хохотали над глупой бабой, а потом, когда она начала причитать, собираясь заплакать, сжалились над ней, собрали денег и купили ей билет.

Так просто совершила Перовская свой побег. И не раз потом ее уменье разыгрывать роль простой бабы спасало ее и ее товарищей от гибели.

Когда утром Соня явилась на квартиру своих друзей, радости и удивлению их не было конца. Весть о ее бегстве быстро распространилась среди товарищей, и они собрались повидаться с ней. Все встревожены за нее, говорят, что надо ей немедленно скрыться, но она нисколько не боится и заразительно хохочет, рассказывая о своих приключениях.

Но вот разговор переходит на товарищей, заключенных в Харьковской тюрьме.

Положение их ужасно.

По отдельным случайно переданным известиям, видно, что тюремное начальство обращается с ними чрезвычайно жестоко.

Вся радость Сони пропала. Замолк веселый смех. Лицо печально и серьезно.

И вдруг, после нескольких минут раздумья, она решительно и твердо заявляет: «Сейчас же еду в Харьков!» Необходимо снова попытаться освободить товарищей, но не того или другого, а всех сразу.

Друзья начинают возражать, но Перовская ничего не хочет слышать.

Она не боится за себя, не боится никаких препятствий. «Товарищи должны быть освобождены!»

Насилу удалось ее уговорить не ехать хоть сию минуту, а подождать несколько дней.

Перед отъездом Сони товарищи решили устроить прощальную вечеринку.

Но все они были на замечании у полиции, за всеми следили шпики, и собраться вместе у кого-либо на квартире было опасно.

И друзья решили собраться в театре, для чего взяли хорошую ложу в опере.

Удачная вышла вечеринка.

Было так весело сидеть в театре, наслаждаться музыкой, беседой с товарищами и знать, что одураченные шпики напрасно рыщут по городу, и правительство дорого бы дало за возможность захватить их всех вместе.

Редко выпадали в жизни Сони такие веселые вечера, и этот был одним из последних.

На утро она выехала в Харьков с чужим паспортом.

Вообще после побега Софья Перовская — навсегда исчезла, т. к. Соня стала жить по подложным паспортам.

Попытка освободить заключенных из Харьковской тюрьмы.

В Харькове Перовская энергично принялась за подготовку побега заключенных товарищей.

Но для выполнения ее плана нужно было иметь много денег и много надежных товарищей.

Деньги были, но людей нехватало.

Чтобы составить план побега, нужно было изучить все расположение тюрьмы и отдельных камер, где сидели товарищи, все тюремные порядки, часы прогулок, свиданий; узнать, что за люди были тюремные смотрители и т. д.

Перовской удалось наладить слежку за тюрьмой, пока же, до освобождения, она, не теряя времени, завязала сношения с заключенными: добилась свиданий с многими из них, пускаясь для этого на разные хитрости. Так, например, она об'явила себя невестой одного из заключенных, т. к. иначе ее не хотели пропустить к нему; устроила правильную передачу писем, продуктов и прочих

вещей и всячески добивалась улучшения их тяжелого положения.

Один из биографов Перовской — Н. Алешов — так описывает ее заботы:

«Люди, просидевшие в тюрьме по нескольку лет без всякого общения с внешним миром, вдруг получили возможность переписываться, иметь книги, еду и зимнюю одежду, в чем очень нуждались. Точно изболевшая горем мать, заботящаяся о своем больном ребенке, бегала Перовская по магазинам и выбирала долго, внимательно какие-нибудь чулки, фуфайку.

Так же внимательна и заботлива была она в выборе продуктов для питания заключенных».

Она старалась посылать то, чего не давали в тюрьме, и что было особенно полезно для здоровья.

Среди этих забот Перовская сумела создать в Харькове революционный кружок молодежи.

Чтобы иметь больше сотрудников в деле освобождения, она поступила на фельдшерские курсы и из числа молодых слушательниц вербовала себе помощников.

Но как ни работала Перовская, без помощи Петербургских товарищей она не могла устроить побег. А помощь приходила все реже и реже и, наконец, совсем прекратилась.

В Петербурге произошли огромные аресты, были захвачены главные работники партии «Земля и Воля».

С их арестом исчезла всякая надежда на осуществление плана побега.

Для Перовской эта неудача была тяжелым ударом. Подруга, жившая с нею в Харькове, так описывает ее состояние:

«Я жила с Перовской в одной комнате, когда получилось известие, что в Петербурге многие из членов «Земли и Воли» арестованы.

Трудно изобразить, какое горе причинило ей это известие. Как человек чрезвычайно скрытный, она ни перед кем не изливала его и казалась даже спокойной и не особенно убитой, но зато по ночам, когда она была уверена, что я сплю, и никто ее не услышит, она давала волю своему горю. Помню, как провела Перовская первые 3 ночи после получения известия. Что это были за ночи!.. Я вынуждена была притворяться спящей из боязни своим присутствием или участием только стеснить ее, но как сжималось мое сердце при этих постоянно раздававшихся тихих рыданиях».

ЧАСТЬ III

От мирной работы к кровавой борьбе

Без помощи петербургских товарищей оставаться в Харькове было бесполезно, и Перовская вернулась в Петербург.

Здесь в это время происходили большие разногласия в партии. Часть революционеров считала невозможным продолжать мирную пропаганду ввиду все увеличивающихся жестоких преследований правительства.

Правительство проявляло страшную, часто даже бессмысленную жестокость.

Все время шли бесконечные аресты: за несколько найденных книжонок, за письмо от заключенного. За простое знакомство с революционерами людей хватали, бросали без всякого суда в тюрьму, ссылали в Сибирь, даже казнили.

Так был казнен в Киеве молодой человек, по фамилии Розовский, только за то, что отказался

сообщить, кто ночевал у него и оставил прокламации.

В Одессе казнили Давиденко за попытку устроить тайную типографию и т. д., и т. д.

Всюду шныряли шпионы, выглядывали, доносили. При таких условиях совершенно невозможно было вести пропаганду ни среди рабочих, ни, тем более, среди крестьян.

Запуганные жестокими преследованиями крестьяне нередко сами шли доносить на приехавшего к ним пропагандиста.

Казалось, не было выхода, и страна задохнется под железным гнетом царской власти.

Но революционеры не хотели прекращать своей работы несмотря ни на что.

Перовская как-то сказала одному из товарищей: «Мы затеяли большое дело. Быть может, двум поколениям придется лечь на нем. Но сделать его надо.»

И вот у некоторых более отважных и горячих революционеров явилось решение вести работу иному. Надо на время оставить всякую мирную пропаганду и начать открытую войну с врагом: на жестокость отвечать жестокостью, на смерть — смертью.

Надо показать царю, что есть предел его самовластию, и правительство не может безнаказанно творить жестокие расправы.

Но еще прежде чем партия «Земли и Воли» решилась пойти на этот путь кровавой борьбы и

мести (террор), нашлись мстители, которые взялись за террор по собственному почину.

Так, в 1878 г. в Петербурге молоденькая девушка Вера Засулич явилась на прием к генералу Трепову и выстрелила в него из револьвера.

Сделала она это потому, что Трепов незадолго перед тем приказал выпороть заключенного студента Боголюбова только за то, что тот осмелился не снять фуражки при встрече с ним в тюрьме.

Вера Засулич не могла вынести такого надругательства над несчастным заключенным и решила убить Трепова.

Было и еще несколько подобных случаев.

Эти примеры ещё более заставили некоторых членов партии «Земли и Воли» укрепиться в их решении перейти от мирной работы к террору. Они думали, что убийство наиболее жестоких чиновников и, наконец, самого царя, как главного виновника творящихся беззаконий и ужасов, напугает правительство. Заставит его изменить свое поведение, и Россия, наконец, получит политическую свободу, без которой невозможна никакая дальнейшая работа на благо страны.

Но не все члены партии соглашались на террор, и партия «Земля и Воля» раскололась на-двое.

Те, что стояли за террор, образовали партию «Народная Воля», остальные, полагавшие, что можно вести мирное просвещение народа, назвались «Черным Переделом».

Перовская была очень огорчена, узнав о таком разделении партии.

Она всегда стремилась к работе среди темного, забитого крестьянства. Хотела отдать народу всю свою жизнь, любовь и знание.

Но она соглашалась и с тем, что надо убить царя Александра II-го, т. к., пока он будет жить, никакая работа среди народа невозможна.

И, согласившись с этим, с болью в сердце, отказалась от своей мечты работать среди народа и вступила на тернистый путь террористки.

Некоторые товарищи, видя, как тяжело ей было это решение, предлагали ей на время уехать за границу и выждать там, пока в России будет возможность вести работу в деревне.

Но Перовская твердо ответила: «Нет, нет—я останусь здесь погибать вместе с борющимися товарищами.»

Подобно Перовской, с тяжелым сердцем примкнули к народовольцам и еще некоторые революционеры. Одним из таких был молодой рабочий Степан Халтурин.

Перовской тяжело было расставаться с работой среди крестьян, Халтурину тяжело было отойти от своих товарищей рабочих.

В то время рабочим в России жилось чрезвычайно скверно.

Не было никаких законов, защищавших их от произвола и жестокости хозяев, не было никаких

профессиональных организаций, которые бы отстаивали интересы трудящихся.

Доведенные до отчаяния, рабочие иногда устраивали бунты, поджигали фабрики, портили машины. Но от этого положение их, конечно, не улучшалось.

Но с 60-х—70-х г. г. начинают среди рабочих появляться тайные кружки, которые пытаются организовать рабочих в борьбе за свои права.

Самый большой и крепкий из них — так называемый «Северно-русский рабочий союз» — был основан в 1887 г. Степаном Халтуриным.

Один из учеников Перовской—ткач Петр Алексеев—также принимал большое участие в работе этих кружков.

Но все эти кружки и союзы были очень малочисленны и недолговечны.

Работу в них приходилось вести тайно, и она постоянно прерывалась преследованиями полиции.

Но несмотря на эти преследования и жестокие наказания участников, попытки организации рабочих не прекращались.

На смену уничтоженным кружкам возникали новые.

Однако народовольцы не придавали этим организациям большого значения, т. к. вообще думали, что в освобождении России главную роль будут играть крестьяне, а не рабочие.

26 августа 1879 года Исполнительный Комитет партии «Народной Воли» вынес царю Александру II смертный приговор.

С этого времени начинается упорная, страшная борьба между всесильным императором и горсточкой отважных революционеров.

Революционеры преследуют царя повсюду: в столице и других городах, на улицах и в его собственном дворце.

Почти два года длится эта небывалая нигде в мире борьба.

Революционеры устраивают, одно за другим, несколько покушений на жизнь царя, и Перовская принимает самое близкое участие почти в каждом из них.

Первое покушение на царя

Первое покушение, в котором участвовала Перовская, должно было произойти в ноябре 1879 г. по Московско-Курской железной дороге, на третьей версте от Москвы, т. к. царь в это время должен был приехать в Москву.

Решено было прорыть подкоп под полотно железной дороги, заложить там мину и взорвать царский поезд, когда он будет проходить по этому месту.

Для выполнения этого плана революционеры купили дом недалеко от железной дороги, в кото-

ром поселились — под именем мужа и жены Сухоруковых—Перовская с одним из товарищей. Кроме них, в доме жило еще несколько революционеров, работавших по подкопу, но они никогда не показывались, так что об их существовании никто не знал.

Подкоп пришлось вести на расстоянии 47 метров в длину. Работа была страшно трудная, сверлильную машину удалось привезти только к самому концу, и все время приходилось работать простыми лопатами.

Стояла дождливая осень, и прорытая галлерея была постоянно наполовину залита водой, которая просачивалась через верх.

Приходилось копать, стоя на коленях в воде, а иногда даже лежа, в пронизывающей до костей ледяной грязи.

Притом ни у кого из работающих не было непромокаемых костюмов, и люди приходили с работы совершенно мокрые и продрогшие.

Супруги Сухоруковы жили тихо и смирно, не возбуждая никаких подозрений и толков.

Правда, соседки удивлялись необыкновенному их аппетиту. Марья Семеновна Сухорукова ежедневно закупала такое огромное количество провизии, которое никак невозможно было с'есть двум людям. Но, конечно, никому в голову не приходило, кого этой провизией кормила заботливая хозяйка.

Марья Семеновна была такая веселая, ласковая и глуповатая бабенка, что заподозрить ее в чем-либо опасном было прямо невозможно.

Перовская опять изумительно хорошо разыгрывала роль простоватой бабы.

Несколько раз она спасала все дело, которое легко могло быть открытым, если бы кто из посторонних вошел в дом.

В комнатах была сложена земля, вырытая из подкопа, инструменты для работы, динамит и жило несколько революционеров.

И вот, однажды, неожиданно к Сухоруковым явился сосед-купец, желавший взять их дом в заклад.

Дело в том, что у партии нехватало денег, и, чтобы получить их, решили заложить дом.

Хозяина не было дома, но купец пожелал все же осмотреть все помещение, чтобы знать, какую давать цену, и попросил Марью Семеновну показать ему дом.

Что было делать? Как помешать ему? Во всяком случае надо было протянуть время, чтобы товарищи успели скрыть все следы работы и спрятаться сами.

И Перовская сумела найти выход.

«Она внимательно выслушала купца и переспросила. Тот повторил. Перовская с самым невинным видом опять переспрашивает.

Купец старается об'яснить, как можно вразумительнее, но бестолковая хозяйка с недоумением

отвечает: «Уж я не знаю. Уж как скажет Михайла Иванович». Купец опять силится об'яснить. А Перовская все твердит: «Да вот Михайла Иванович придет. Я уж не знаю».

Долго шло у них это об'яснение. Несколько товарищей, спрятанных в каморке за тонкой перегородкой, и смотревших сквозь щели на всю эту сцену, просто душились от подавленного смеха: до такой степены она естественно играла роль дуры-мещанки.

Даже ручки на животике сложила по-мещански. Купец махнул, наконец, рукой:—«Нет уж, матушка. Я уж лучше после зайду!».

Он действительно махнул рукой и ушел, к великому удовольствию Перовской» [1]).

В другой раз вблизи случился пожар. Сбежались соседи выносить вещи. Если бы они вошли в дом—все бы погибло. А как их не пустить?

Но Перовская опять нашлась.

Она схватила икону, выбежала во двор и стала перед огнем. Всех, кто хотел пройти в дом, она прогоняла, крича им: «Не трогайте—Божья воля! Одна молитва спасает!» Соседи кто подивился, кто посмеялся, но разошлись. Пожар скоро потушили, и опасность миновала.

Сколько надо было сообразительности, находчивости, а главное, мужества, чтобы разыграть все эти сцены! Мужества у Перовской было очень мно-

---

[1]) Кравчинский—„Подпольная Россия".

го, это знали все товарищи, и во время подготовки к покушению ей было поручено два самих ответственных и трудных дела.

Все участники покушения сговорились, в случае если заговор их будет открыт, не сдаваться живыми в руки полиции.

Было решено, если полиция явится, чтобы арестовать их—взорвать дом.

Сделать это было поручено Перовской.

Она постоянно носила при себе револьвер, из которого, согласно поручению товарищей, должна была выстрелить в бутылку с нейтроглицерином. (взрывчатое вещество).

От этого произошел бы страшный взрыв. Весь дом взлетел бы на воздух и похоронил бы под своими развалинами отважных работников и пришедших их арестовать жандармов.

Перовской же было поручено следить за приближением царского поезда и подать во-время сигнал, когда надо взорвать мину, заложенную под полотном железной дороги.

Первое поручение—взорвать дом—Перовской не пришлось выполнить, т. к. полиция до конца не подозревала, что творится в доме почтенных супругов Сухоруковых.

Второе поручение—дать сигнал—она выполнила во-время, но произошла какая-то задержка, и взрыв последовал уже после того, когда царский поезд благополучно миновал опасное место.

Все усилия революционеров, все их труды и жертвы пропали даром—покушение не удалось.

Оставалось лишь одно утешение — никто из участников заговора не пострадал.

Все, работавшие по подкопу, еще с утра ушли совсем из дома, где все было приготовлено к покушению. В доме оставалась лишь Перовская да еще один товарищ, который должен был по данному ею сигналу произвести взрыв.

После взрыва он немедленно отправился в Москву, но Перовская осталась.

У нее хватило смелости пойти к месту взрыва и здесь, замешавшись в толпе любопытных, узнать все подробности происшествия.

Вечером она спокойно села в поезд и поехала в Петербург.

По дороге ей грозила большая опасность. Все уже знали о взрыве, знали, что его произвели революционеры, и весь вагон только об этом и говорил. И вот среди пассажиров Перовская увидела своего соседа-купца.

Если бы он тоже увидел ее, то Перовской пришлось бы плохо. Но она постаралась остаться незамеченной, и купец, занятый интересными разговорами, не обратил на нее внимания.

Взрыв в Зимнем дворце.

Неудача покушения под Москвой не изменила намерений революционеров. Убийство Александра

И было твердо решено, и партия Народной Воли вскоре начала готовить новое покушение.

На этот раз оно должно было произойти в самом царском дворце.

Дело это было поручено молодому рабочему Степану Халтурину.

Халтурин поступил во дворец под видом столяра. Каждый раз, возвращаясь с прогулок в город, он приносил с собою куски динамита, которые прятал у себя под подушкой.

Комната, где жил Халтурин, находилась в полуподвале, а во втором этаже над нею была царская столовая. Халтурин должен был произвести при помощи принесенного динамита взрыв, который бы уничтожил царя и его семью, когда они будут находиться в столовой.

Когда Халтурин набрал достаточно динамита, то переложил его в свой сундучок и, выждав время царского обеда, поджег фитиль, проведенный к сундучку. Сделав это, он поспешил уйти из дворца.

Через несколько минут раздался страшный взрыв; казалось, весь дворец рухнет от него...

Но динамиту было слишком мало, взрыв произвел большие повреждения в первом этаже и только слегка покоробил пол царской столовой...

Царь опять остался невредимым.

И снова пришлось партии обдумывать и готовить новое покушение. С каждым разом это становилось все труднее и труднее.

После каждого покушения начинались бесчисленные, немилосердные аресты, правительство, в страхе и злобе, сыпало жестокие наказания. Оно хотело запугать всю страну, с корнем вырвать всякий протест, всякую мысль о нем.

То и дело из рядов революционеров выхватывались лучшие товарищи, но на смену им выступали новые, и борьба продолжалась.

Подготовка покушения в Одессе

Новое покушение решено было устроить в Одессе, куда царь должен был приехать весной 1880 года.

За дело снова взялась Перовская.

На этот раз она должна была изображать хозяйку бакалейной лавочки.

На одной из улиц, по которой должен был проехать Александр II по прибытии своем в Одессу, решено было сделать подкоп и взорвать карету вместе с царем.

Чтобы осуществить этот план, Перовская и еще один член партии, под видом мужа и жены Прохоровых, сняли на этой улице лавочку и открыли торговлю бакалейными товарами.

Перовская превосходно разыгрывала роль лавочницы и охраняла этим все дело от подозрений полиции.

А полиция была настороже в ожидании приезда государя, всюду рыскала, все высматривала.

Подкоп можно было вести только из самой лавки, но днем в ней бывали покупатели, так что копать приходилось лишь по ночам.

Для безопасности решили вырытую землю не оставлять в доме, и ее уносили в свертках товарищи, приходившие за ней под видом покупателей.

Но и на этот раз все труды и усилия были напрасны. Александр II раздумал ехать в Одессу, и покушение не состоялось.

Передышка

После неудачи в Одессе Перовская вернулась в Петербург.

Решение партии убить царя оставалось прежним, но не сразу принялись за новое покушение. Надо было собраться с силами, средствами, да и просто сделать передышку в этой ужасной борьбе.

Но и в это время затишья Перовская не отдыхала. Она являлась одним из главных руководителей партии и целиком отдала свою жизнь ее работе.

Перовская ведет кипучую работу всюду, где это нужно для дела партии.

Так, она организует революционные кружки среди петербургской молодежи. Всегда бодрая,

веселая, «со смехом, как колокольчик». В то же время настойчивая, требовательная к себе и людям в исполнении своего дела—она привлекала

С. Перовская в 1878 г.

к себе все сердца. Молодежь горячо любила ее и глубоко почитала.

Много делала она для заключенных товарищей. Наладила правильную передачу в тюрьмы и крепость, обдумывала план освобождения некоторых из них.

Работает Перовская в редакции тайной газеты, издаваемой партией.

Являясь членом Исполнительного Комитета партии, она принимала ближайшее участие во всех решениях, в направлении всей работы.

Да нет почти ни одного большого или маленького дела партии, в котором бы она не принимала участия, ко всему относясь с одинаковым вниманием и серьезностью.

Кроме того, если кто-либо из товарищей заболевал, Перовская тотчас же являлась к нему и просиживала около него все ночи в качестве сиделки.

Перовская являлась как бы душою всей партии, которой она отдала все свои силы, всю свою любовь и самую жизнь.

Но, связав так тесно свою жизнь с жизнью партии, она, однако, была очень щепетильна в денежных вопросах. Она стеснялась истратить на себя лишнюю копейку из партийных денег.

Подруга ее по работе, Вера Фигнер, рассказывает такой случай. Однажды Перовская обратилась к ней с просьбой: «Найди мне рублей пятнадцать взаймы. Я истратила их на лекарство—это не должно входить в общественные расходы. Мать прислала мне кое-какие вещи, я продам их и уплачу долг».

Жила она необычайно скромно, недаром еще в юности она приучала себя спать на голых досках и есть самую простую пищу.

Одевалась Перовская всегда в простое черное платье, единственным украшением которого был белый воротничок. Несмотря на тяжелую, тревожную жизнь, выглядела она очень моложаво, в 26 лет походила на 18-летнюю девушку.

Всегда занятая, всегда за работой, она не знала часов отдыха и развлечений.

Единственное удовольствие, которое она себе разрешала,—это свидания с любимой матерью да письма к ней.

Мать свою она продолжала любить так же горячо, как в детстве, и бывала счастлива, когда ей удавалось переслать ей какой-либо гостинец.

И все же на долю Перовской выпали минутки большого счастья, но только на мгновенье вспыхнуло оно—и оборвалось... Соня полюбила, полюбила всей душой своего товарища по работе, такого же отважного, сильного борца, как и сама—Андрея Желябова.

Желябов, родом крестьянин, как и Перовская, с ранней юности стал революционером и, когда образовалась партия «Народной Воли», присоединился к ней и вскоре стал одним из главных ее руководителей.

Но эта любовь мало изменила жизнь обоих. Как ни дороги они были друг для друга, но еще дороже для каждого из них была их великая борьба за счастье и освобождение угнетенного народа.

Они даже не могли уделить друг другу побольше времени, ведь и их время, как и самая их

А. Желябов.

жизнь, уже давно было отдано тому же великому делу борьбы.

Подготовка к решительному бою

В начале 1881 г. партия «Народной Воли» начала готовиться к новому покушению на Александра II.

На этот раз были напряжены все силы. Революционеры решили во что бы то ни стало покончить с царем, который не прекращал своей жестокой борьбы с ними. За короткий срок было казнено 21 человек, а сколько было арестовано, сослано на каторгу, заживо погребено в мрачных тюрьмах!

Силы революционеров истощались, и они делали последние усилия, чтобы нанести смертельный удар жестокому тирану.

План покушения был таков:

Устроить подкоп на одной из улиц, по которой чаще всего ездили царь и взорвать царскую карету.

Кроме того, если бы взрыв оказался неудачным, четыре человека, расставленные по пути царского проезда, должны были бросить в карету ручные бомбы. Наконец, если бы царь все же остался невредимым, Желябов, воспользовавшись суматохой, должен был подбежать к царю и заколоть его кинжалом. Последнее предложил сам Желябов, отличавшийся необыкновенной смелостью и решимостью.

Снова, как в Одессе, была снята лавочка, из которой должен был вестись подкоп.

Перовской очень хотелось снова разыграть хозяйку-лавочницу, но она была нужна для более важной работы, и ей пришлось уступить эту роль другой.

Перовская встала в самом центре заговора. Вместе с Желябовым и еще несколькими товарищами она обдумывала и намечала весь план покушения. Прежде всего необходимо было точно установить время, когда царь выезжал из дворца, и те улицы, по которым он постоянно ездил.

За это дело взялась Перовская. Был организован наблюдательный отряд из четырех человек.

Каждый день по определенному расписанию дежурили двое—один утром, другой вечером.

На следующий день дежурила другая пара, потом опять первая. Это было сделано для того, чтобы не обратить на себя внимание шпиков.

Раз в неделю наблюдающие собирались совместно с Перовской и сообщали ей свои наблюдения.

Царь выезжал почти ежедневно в небольшой карете, запряженной великолепными, быстрыми лошадьми. Около кареты постоянно скакал конвой из нескольких всадников.

Проезжал царь всегда или по М.-Садовой, или по набережной Екатерининского канала.

Перовская несколько раз сама следила за проездом царя по этим улицам и наметила те места, откуда всего удобнее было бросить в карету бомбу.

Когда был выяснен путь и время царских выездов, приступили к дальнейшим работам.

Усиленно стали проводить подкоп из лавочки на М.-Садовой, свозили туда динамит, принялись за изготовление бомб для метальщиков. Были назначены четыре метальщика, т.-е. люди, которые должны были бросить бомбы. Это были: Рысаков, Гринвицкий, Михайлов и Емельянов.

Покушение было назначено на первые числа марта.

Но вот 27 февраля в 7 часов вечера неожиданно был арестован главный руководитель заговора—Желябов, а вместе с ним еще один из участников—Тригони.

Все огромное дело, стоившее таких трудов и усилий, повисло на волоске.

Если Желябов арестован, значит, полиция напала на след заговора. Каждую минуту она может арестовать всех остальных участников. Тригони же постоянно приходил в лавочку на М.-Садовой, т. к. участвовал в работах по подкопу. Шпики могли это знать, значит, подкопу грозит опасность: если полиция произведет там обыск, то откроет все.

Что делать? Как быть дальше?

Все были встревожены и растеряны, и неизвестно, удалось бы довести дело до конца, если бы на смену арестованному Желябову во главе заговора не стала Перовская. Желябов арестован, не будет ему пощады от врагов. Хотя и знала Соня, что ее и его жизнь кончатся гибелью в этой неравной борьбе, но все же невыносимо тяжела была для нее потеря любимого человека.

Но ей некогда горевать и страдать.

Прежде всего надо довести до конца ту великую борьбу, в которой погибло столько товарищей, погибнет теперь и любимый человек... Надо убить царя...

И Перовская проявляет удивительное мужество и решимость.

28 февраля в одной из тайных квартир собрались члены Исполнительного Комитета, чтобы решить, как быть дальше, как вести работу после ареста Желябова. Перовская выступила со следующим предложением: Завтра, 1 марта, царь, как обычно, поедет на парад в манеж. Необходимо завтра же произвести покушение. Медлить нельзя, т. к. каждую минуту полиция может открыть весь заговор.

Но мина на М.-Садовой еще не заложена, бомбы для метальщиков не готовы.

Необходимо все сделать, все приготовить, и Перовской удается убедить Исполнительный Комитет назначить покушение на 1 марта.

В случае, если царь не поедет по М.-Садовой, комитет решил действовать одними ручными бомбами.

Решение комитета было вынесено 28 февраля в 3 часа дня, а покушение должно было состояться на следующий день около 2-х часов дня, т.-е. меньше, чем через сутки.

Началась спешная подготовка.

К вечеру на квартиру, где происходило собрание революционеров, пришли три техника и стали готовить бомбы для завтрашнего дня.

Перовская была тут же. Измученная, усталая, она не давала себе ни минуты отдыха, желая до конца заменить Желябова на его посту.

Едва удалось ее уговорить поздно ночью прилечь хоть немного уснуть.

Трое техников работали без перерыва всю ночь, и все же к восьми часам утра были готовы только две бомбы.

Перовская, не дожидаясь остальных, тотчас же унесла их на другую квартиру.

Перевозила она их на извозчике, что было очень опасно, т. к. бомбы могли легко взорваться даже от небольшого толчка. Но Перовская всегда пренебрегала опасностью, а теперь ей вовсе некогда было об этом думать. Как только были готовы остальные две бомбы, их сейчас же переслали Перовской.

К девяти часам явились четыре метальщика. Перовская раздала им снаряды и дала все нужные указания.

Она начертила на конверте план улиц, по которым должен проезжать царь, и наметила места, где метальщики будут дожидаться кареты. Метальщики должны были разместиться недалеко от лавочки на М.-Садовой, где была заложена мина. Услышав взрыв, они должны были бежать туда и,

если царская карета останется невредимой, бросить в нее свои бомбы.

Если же царь не поедет по М.-Садовой, то метальщики перейдут на набережную Екатерининского канала, будут ждать карету там и по очереди бросят в нее свои снаряды. Сигнал к переходу им подаст Перовская.

Если она пройдет мимо и, поравнявшись с каждым из них, ни слова не говоря, вынет носовой платок, значит, царь поехал по Екатерининской набережной.

Государь должен был проезжать с парада около двух часов дня. В ожидании этого времени участники покушения разбрелись по разным улицам, находящимся недалеко от лавочки на М.-Садовой.

Все были покойны, хотя все знали, что идут на верную смерть.

В. Фигнер рассказывает в своих воспоминаниях об удивительном даже для революционеров самообладании одного из участников.

Утром 1 марта к ней пришел тот, кто должен был произвести взрыв из лавочки на М.-Садовой.

«Я с удивлением увидела, что из принесенного свертка он вынимает колбасу и бутылку красного вина и ставит на стол, приготовляясь закусывать.

В том возбуждении, в каком я находилась после нашего решения и бессонной ночи, проведенной в

приготовлениях, мне казалось, что ни есть, ни пить не возможно.

«Что это?..» почти с ужасом спросила я, видя намерение поесть у человека, обреченного почти на верную смерть под развалинами от взрыва.

«Я должен быть в полном обладании сил»—спокойно ответил товарищ и невозмутимо принялся за еду.

Перед этим отсутствием мысли о возможной гибели, перед этим единственным помышлением, что для выполнения взятой на себя обязанности надо быть в полном обладании сил—я могла лишь безмолвно преклониться».

Убийство Александра II

Первого марта 1881 года император Александр II выехал из дворца, как всегда, около часу дня и отправился в манеж на смотр войскам.

Но обратно он поехал не по М.-Садовой, а по набережной Екатерининского канала.

Перовская сейчас же заметила это и немедленно дала сигнал метальщикам. Она проходила мимо каждого из них и, поравнявшись, молча вынимала носовой платок. Метальщики тотчас перешли на набережную Екатерининского канала.

Перовская тоже пошла туда, но стала по другую сторону канала и ждала, облокотившись на решетку набережной.

Движение в этом месте обычно было небольшое, так что, когда карета царя показалась на набережной, она была почти пуста.

По тротуару прогуливалось всего несколько шпиков, которые всегда дежурили на улицах, по каким проезжал государь.

Три сторожа подметали сквер. Через улицу переходил мальчуган из мясной лавки. Увидя царскую карету, он отдал честь.

Карета ехала довольно быстро. Вокруг скакали шесть верховых казаков: двое впереди, остальные по бокам. Карету сопровождали сани, в которых ехало несколько военных.

В это время навстречу карете шел молодой человек маленького роста в драповом пальто. На голове у него была теплая шапка, в руках какой-то предмет, завернутый в салфетку.

Поравнявшись с каретой, он вдруг бросил свой узелок на мостовую — раздался страшный взрыв. Когда дым рассеялся, оказалось, что бомба была брошена неудачно, карета осталась невредима. Взрыв лишь тяжело ранил мальчика из мясной. Проходившие солдаты и шпики кинулись к человеку, бросившему бомбу, и арестовали его.

Человек этот был Рысаков.

Царь вышел из кареты и подошел к Рысакову.

— «Слава богу, я остался жив!»,—воскликнул он.

— «Ещé слава ли богу?!», — ответил Рысаков.

Царь захотел осмотреть место взрыва, но едва он сделал несколько шагов, как раздался новый

Взрыв.

взрыв. Это второй метальщик Гринвицкий подоспел к месту происшествия и бросил свою бомбу. На этот раз царь был смертельно ранен, но вместе с ним погиб и Гринвицкий, умерший через несколько часов от тяжелых ранений.

Остальные два метальщика и Перовская благополучно ушли с набережной.

Так кончилась великая борьба горсточки революционеров с главою русского самодержавия. Царь был убит — но царская власть осталась. И новый царь Александр III не замедлил показать революционерам, что борьба эта еще не закончена и что он будет вести ее с неменьшей жестокостью, чем его отец.

Мечта народовольцев, что с убийством Александра II Россия станет свободной страной — не оправдалась.

Слишком сильна и крепка была еще царская власть, слишком много было у нее защитников в лице помещиков, богачей и духовенства, чтобы могла справиться с нею кучка отважных революционеров.

Освободить страну мог только сам народ, когда он весь целиком поднялся против царской власти в 1917 году.

ЧАСТЬ IV

После убийства

Весть об убийстве царя мгновенно разнеслась по всему городу. Всюду поднялось страшное смятение. Появились слухи, что убийство царя есть только сигнал к восстанию, на улицы были высланы войска.

Все с трепетом ожидали, что будет дальше?

Через два часа после убийства царя состоялось экстренное собрание Исполнительного Комитета партии Народной Воли.

Перовская присутствовала на нем. Один из товарищей, видевший ее сейчас же после взрыва, рассказывает: «По лицу ее нельзя было заметить волнения. Как всегда, она была серьезно сосредоточена с оттенком грусти».

Исполнительный Комитет решил раз'яснить народу цель убийства государя. Для этого была составлена прокламация, которую в ту же ночь отпе-

чатали в большом количестве в тайной типографии и разбросали по всему Петербургу.

В последующие дни Исполнительный Комитет составил еще несколько прокламаций и, кроме того, написал письмо новому царю Александру III.

Письмо это должно было указать, как неправилен путь, по которому шел Александр II, путь насилия и угнетения народа.

Жестокости не заставят умолкнуть недовольство, а лишь увеличат его.

Для того, чтобы Россия могла правильно и мирно развиваться наравне с другими странами, партия считает необходимым два условия:

1-ое.—Общая амнистия (помилование) всех осужденных за политические преступления.

2-ое.—Созыв представителей всего народа, которые и решат, какое правление должно быть в России.

Письмо заканчивалось словами: «Итак, Ваше Величество — решайте! Перед Вами два пути. От Вас зависит выбор».

И новый царь выбрал путь, по которому шел его отец.

Со страшной жестокостью обрушилось правительство на страну.

Жуткое настало время. Люди сидели по домам, пугаясь при каждом звонке.

Каждую минуту могли ворваться жандармы с обыском, арестом и все только на основании простого доноса, слуха, только потому, что хозяин

когда-нибудь встречался с революционерами, когда-нибудь дал у себя на ночь приют одному из них.

Дворникам всех домов было приказано следить за тем, все ли квартиранты ночуют дома, и если кто не ночует, то немедленно доносить о том полиции.

Тяжело приходилось в это время Перовской. Каждую минуту ей грозил арест.

Оставаться у себя на квартире было невозможно, но с каждым днем все труднее было найти надежный ночлег.

И все труднее было ей просить о нем, т. к. она знала, что хозяева, у которых ее застанет полиция, жестоко за это поплатятся.

В. Фигнер рассказывает, что как-то вечером Перовская спросила у нее: «Верочка, можно остаться у тебя ночевать? Я спрашиваю потому, что, если в дом придут с обыском и найдут меня — тебя повесят».

Фигнер обняла ее и ответила, указывая на револьвер:—«С тобой или без тебя я все равно буду стрелять».

Товарищи и друзья уговаривали Перовскую бежать за границу. Брались ей устроить все необходимое для бегства, но она и слышать об этом не хотела. «Нельзя оставить город в такую важную минуту, теперь здесь столько работы»—отвечала она на все уговоры.

Она как будто не замечала и забывала опасность, грозящую ей со всех сторон.

Все мысли ее были заняты одним — освободить, спасти Желябова.

«Она за эти дни сильно изменилась, осунулась, побледнела, похудела.

Порою в разговоре она вдруг задумывалась, как бы уносясь на минуту мыслью куда-то далеко. Но потом брала себя в руки, встряхивалась, оживлялась и проявляла лихорадочную торопливость и энергию [1]). Перовская целые дни бегает по городу, встречается с разными лицами, ищет помощи, поддержки в своем плане освобождения.

В день у нее бывало по семь деловых свиданий на разных концах Петербурга.

Одна дама обещала Перовской узнать через знакомого ей важного генерала об участи, ожидавшей Желябова. Сведения были самые печальные. Желябова и всех арестованных по делу о цареубийстве решено было казнить. Суд должен был состояться лишь для вида.

В своих воспоминаниях эта дама пишет:

«Без всяких предисловий я передала Перовской, что знала. Я не видела ее лица, потому что смотрела в землю.

Когда я подняла глаза, то увидела, что она дрожит всем телом. Потом схватила меня за руки и стала нагибаться ниже и ниже и упала ничком, уткнувшись лицом в мои колени.

Так оставалась она несколько минут. Она не плакала, а вся дрожала.

---

[1]) Алешов.

Потом она поднялась и села, стараясь оправиться, но снова судорожным движением схватила меня за руки и стала их сжимать до боли...

«Генерал рассказал мне многие подробности относительно гордого, благородного поведения Желябова. Когда я рассказала это Перовской, то заметила, что глаза ее загорелись и краска вернулась на ее щеки. Очевидно, это доставило ей большое удовольствие.

Генерал сказал мне также, что все обвиняемые знают об ожидающей их участи и выслушали известие о близкой смерти с поразительным спокойствием и хладнокровием.

Услыхав это, она вздохнула. Она мучилась ужасно. Ей хотелось плакать, но она сдерживалась... Мы оставались вдвоем до полуночи. Она хотела уйти раньше, но была так утомлена, что едва держалась на ногах».

План освобождения Желябова и других товарищей по делу о цареубийстве, над которым так работала Перовская, находил отклик среди петербургских рабочих и некоторых военных.

Предполагалось собрать человек триста рабочих, разделить их на три группы и напасть на повозки с осужденными, когда их будут везти на казнь.

Надеялись отбить осужденных у конвоя, скрыться с ними в толпе и, быстро переодев их в приготовленное платье, увезти немедленно из города.

Но осуществить этот план не удалось — каждый день происходили все новые и новые аресты,

обыски, и не было никакой возможности сорганизовать такое большое дело.

А, кроме того, 10 марта была арестована и сама Перовская, главная руководительница плана этого заговора.

Арест и суд

Арест Перовской был поручен одному из околоточных надзирателей. Но т. к. он не знал ее в лицо, то взял на помощь хозяйку мелочной лавочки того дома, где жила Перовская.

Женщина эта хорошо знала Перовскую, и она несколько дней ездила и ходила с надзирателем по улицам Петербурга, стараясь узнать ее в толпе. А полиция в это время искала ее по домам, обыскивая каждую ночь множество квартир.

10 марта в 5 часов вечера Перовская шла по Невскому, лавочница с надзирателем проезжали в это время на извозчике.

Лавочница узнала Перовскую и указала на нее. Надзиратель соскочил с извозчика, подбежал к Перовской и первым делом схватил ее за руки.

Он боялся, что у нее есть оружие и она начнет сопротивляться, т. к. революционеры редко без борьбы сдавались в руки полиции.

Но Перовская не стала сопротивляться. Она спокойно последовала за надзирателем, который повез ее в участок, потом в тюрьму.

Жандармы знали, что захватили одну из главных руководительниц убийства Александра II, и сейчас же, после ареста, к Перовской приезжают высшие жандармские чины и допрашивают ее до 4-х часов ночи. Допрос идет и все следующие дни, иногда по два раза в день.

Перовская ничего не стала скрывать о своей работе. Все народовольцы гордились своей принадлежностью к партии и охотно говорили на допросе о ее задачах и стремлениях. Они также ничего не скрывали о своей революционной работе, но упорно молчали об участии других товарищей, стараясь скрыть от полиции всякий их след.

Так поступали Перовская, Желябов и другие народовольцы,—все, кроме одного.

Не сумел остаться до конца героем первый металльщик — Рысаков.

Испуганный грозящей ему казнью, он стал предателем. Жандармы, как они обычно делали со всеми арестованными, предложили ему спасение за предательство. Они потребовали у него выдачи товарищей, обещая за это помилование.

И Рысаков согласился. Он выдал всех, кого знал, кого помнил, указал адреса конспиративных [1]) квартир и сообщил все подробности покушения и все, что знал о работе партии.

Жандармы, воспользовавшись его предательством для бесчисленных арестов и выжав из него

---

[1]) Конспиративный — тайный.

все, что он знал, преспокойно отправили его на виселицу. Не помогло ему и прошение о помиловании, которое он подал царю.

---

26 марта начался суд над цареубийцами. Всего судили шесть человек: Желябова, Перовскую, Рысакова, Михайлова (2-й метельщик), Кибальчича (техник, приготовлявший бомбы) и Гесю Гельфман (хозяйку конспиративной квартиры, где происходила подготовка к покушению).

И случилось так, что прокурором (обвинителем) на суде выступил человек, который знал Перовскую еще ребенком. В детстве они были соседями и часто играли вместе.

Теперь же он жестоко обрушился на подругу своих детских игр.

Все обвиняемые, по его словам, были злодеями, но Перовская была самой ужасной среди них.

Он изображал ее жестокой, бессердечной женщиной, полной только злобы и ненависти, которой совершенно недоступны никакие хорошие человеческие чувства. Как самый закоренелый, черствый преступник, она спокойно и хладнокровно обдумывала план убийства царя и потом руководила им. И т. д., и т. д.

Прокурор был прав — Перовская проявила действительно необыкновенное самообладание и мужество в подготовке к покушению.

И прав был он, что она умела ненавидеть и быть беспощадной.

Да, Перовская ненавидела врагов народа так же пламенно и глубоко, как горячо и сильно она любила самый народ и тех, кто боролся за него.

Но об этой ее любви, которой была полна ее жизнь, — прокурор не сказал ничего.

Злобная речь обвинителя не затронула Перовскую, и она не стала защищать себя от его обвинений. Но в своей речи прокурор клеймил партию Народной Воли, называя ее членов преступниками, бесчестными, жестокими людьми. Этого Перовская не могла снести.

И в своем последнем слове она защищала не себя, а партию. Она не могла говорить много и сказала лишь, что, кто *действительно* знает жизнь революционеров, не бросит им обвинения ни в жестокости, ни в бесчестности.

Приговор. Прощание с матерью

Суд продолжался три дня и вынес подсудимым смертный приговор. Правительство с самого начала решило казнить участников покушения, и суд должен был лишь подтвердить это решение.

Это знали все. И, тем не менее, подсудимые были совершенно спокойны, особенно Перовская и Желябов. На суде они всячески старались выгородить

смягчить участь молодого рабочего Михайлова, беря всю главную вину на себя.

Перовская не надеялась перед смертью увидеться с матерью и 22 марта послала ей прощальное письмо [1]).

«Дорогая моя, неоцененная мамуля! Меня все давит и мучает мысль, что с тобой. Дорогая моя, успокойся, не мучь себя из-за меня, побереги себя ради всех окружающих тебя и ради меня также.

Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встречаю ее, так как давно знала и ожидала, что рано или поздно, а так будет.

И правда же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила так, как подсказывали мне мои убеждения; поступать же против них я была не в состоянии. Поэтому со спокойной совестью ожидаю все предстоящее мне.

И единственное, что тяжелым гнетом лежит на мне, это твое горе, моя неоцененная, — это одно меня терзает, и я не знаю, что бы я дала, чтобы облегчить его.

Голубонька моя, мамочка! Вспомни, что около тебя есть еще громадная семья и малые и большие, для которых для всех ты нужна.

Я надеюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что тебе причиняю, и не станешь меня сильно бранить.

Твой упрек—единственно для меня тягостный.

---

[1]) Письмо это хранится в Музее Революции, где всякий может его видеть.

Мысленно крепко и крепко целую твои ручки и на коленях умоляю не сердиться на меня.

Мой горячий привет всем родным.

Вот просьба к тебе, дорогая мамуля, купи мне воротничок и рукавчики, а то для суда хоть немного подправить свой костюм: тут он очень расстроился.

До свидания же, моя дорогая, опять повторяю свою просьбу — не терзай и не мучай себя из-за меня; моя участь вовсе не такая плачевная, и тебе из-за меня горевать не стоит.

22 марта 1881 г. Твоя Соня».

Но все же перед смертью Перовской удалось еще повидаться с своей «дорогой мамулей».

Когда ее арестовали, друзья тотчас дали об этом знать ее матери, жившей в Крыму.

Несчастная мать немедля примчалась в Петербург. Ей разрешили свидание с дочерью.

В. Фигнер так описывает это свидание со слов одной тюремной надзирательницы.

«Софья Львовна мало говорила, как больное измученное дитя; тихая, безмолвная, она все время полулежала, положив голову на колени матери. Два жандарма, день и ночь сидевшие в камере Перовской, находились тут же».

Слишком велико было горе обеих, чтобы можно было выразить его словами — и только тихая безмолвная ласка передавала их чувства друг другу. Так в детстве замирала маленькая Сонечка на коленях любимой матери, когда обе они страдали от жестокости грубого отца.

Казнь

Приговор был вынесен 29-го марта.

Казнь же произошла 3 апреля.

Как провела эти пять дней Перовская — неизвестно. Свидания с матерью были запрещены; из тюремных надзирательниц к ней допускались только самые надежные. В камере ее постоянно дежурили два жандарма.

Боялось ли тюремное начальство, что будет предпринята попытка освободить Перовскую, или оно опасалось, что она передаст что-либо на волю, но оно зорко сторожило ее.

Ходили слухи, что осужденных подвергали пытке перед казнью, но точно никто ничего не знал.

Все же кое-что о последних минутах ее жизни дошло до нас. Накануне казни Перовской был прислан священник, чтобы исповедывать ее и дать ей «отпущение» грехов, но она отказалась его принять.

Все время «она была покойна, но бледна и слаба физически». В ночь перед казнью она легла рано, но не спала.

Когда Перовскую вывели на двор, чтобы везти на казнь, она побледнела и зашаталась. Но ее поддержал Михайлов словами: «Что ты, Соня, опомнись!». Этот оклик привел ее в себя, она справилась с минутной слабостью и твердо взошла на колесницу.

Колесницами, на которых должны были ехать осужденные, были две большие повозки с высокими скамьями. Приговоренных сажали на эти скамьи спиною к лошадям и крепко привязывали их руки, ноги и туловище к сиденьям.

Перовской при этом так крепко скрутили руки, что она сказала: «отпустите немного, мне больно».

— После будет еще больнее, — буркнул грубый жандармский офицер, наблюдавший за сборами.

На Перовской была надета черная арестантская шинель, на грудь ей, как и всем осужденным, повесили доску с надписью «Цареубийца».

Не дали ей последнего утешения — ехать на смерть вместе с любимым человеком: Желябова посадили на другую колесницу.

Наконец, все было готово. Ворота тюрьмы распахнулись и осужденные тронулись в свой последний путь.

И тут еще раз увидела мать Перовской свою Соню. После приговора, бедная женщина каждый день приходила в тюрьму, но ей не давали свидания с дочерью. Наконец, сказали, что она сможет увидеть дочь 3 апреля утром.

Несчастная мать с утра поспешила к тюрьме, но когда она подошла, тюремные ворота распахнулись, и из них выехали две мрачные колесницы.

На одной из них сидела «ее Соня».

В арестантской шинели, в безобразном черном капоре на голове, с надписью «Цареубийца» на

груди, с прикрученными за спину руками — бледная, но спокойная — проехала она мимо матери на высокой колеснице.

Увидала ли, узнала ли Соня в толпе свою «мамулю» — неизвестно.

Несмотря на ранний час,—было около 7-ми часов утра,—улицы были полны народа. Посреди же улиц стояли рядами войска, охранявшие путь колесниц.

Кроме того, множество конных и пеших полицейских и жандармов наблюдали за порядком. Правительство, очевидно, боялось, что, несмотря на все аресты и жестокие расправы, найдутся смельчаки, которые попытаются отбить осужденных. И оно приняло все меры к тому, чтобы благополучно довезти свои жертвы до места казни.

Казнь должна была происходить на Семеновском плацу. Огромная площадь была вся залита несметной толпой.

Посреди площади возвышался эшафот [1]), на котором стояло пять [2]) виселиц. Около них хлопотал палач.

Медленно приближались колесницы к месту казни. Тяжело громыхали они по мостовой, осужденные, сидевшие на высоких скамьях, сильно покачивались на ухабах.

Им не дали даже покойно совершить их последний путь. Тряская колымага, скрученные назад

[1]) Эшафот—возвышение.

[2]) Хотя к казни были приговорены все шестеро подсудимых, но Гесе Гельфман казнь была отсрочена ввиду ее беременности.

руки, позорные одежды, глазеющая и кричащая толпа! Зато позади колесницы ехало три кареты со священниками, облаченными в траурные ризы. Они ехали, чтобы «благословить» осужденных перед казнью. Эта была последняя царская «милость».

«На спокойном, желовато-бледном лице Перовской блуждал легкий румянец, когда она под'ехала к эшафоту. Глаза ее блуждали, лихорадочно скользя по толпе. Ни один мускул ее лица не дрогнул и когда она уже стояла на эшафоте в ожидании казни».

Был прочитан приговор.

Священники «благословили» осужденных крестом, и их развели каждого к «своей веревке».

Когда палач подошел к осужденным, чтобы набросить на них саван, «Желябов и Михайлов приблизились к Перовской и поцелуем простились с нею».

От Рысакова она отвернулась.

Тихо стало на площади, смолкли все разговоры и крики — тысячная толпа замерла... и вдруг жуткой дробью застучали барабаны — палач приступил к казни.

Через какие-нибудь полчаса все было кончено. Трупы казненных положили в приготовленные заранее гробы и увезли на простых дрогах под сильным конвоем на кладбище.

Так спокойно и гордо отдала Перовская свою жизнь за счастье и волю народа. Навеки умолкло

великое сердце, умевшее так пламенно любить и так пламенно ненавидеть.

Но те, кто видел ее смерть, кто встречался с нею на работе, или хотя бы только слышал повесть о ее жизни — никогда не забудут ее светлый и прекрасный образ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Часть I

Детство 8
Юность 11
Первые друзья и первая работа 15
Соня—сестра милосердия 19
Суд по делу „193-х“ 20

Часть II

Перовская пытается освободить осужденных товарищей 23
Арест и бегство 28
Попытка освободить заключенных из Харьковской тюрьмы 34

Часть III

От мирной работы к кровавой борьбе 37
Первое покушение на царя 42
Взрыв в Зимнем дворце 47
Подготовка покушения в Одессе 49
Передышка 50
Подготовка к решительному бою 55
Убийство Александра II 61

Часть IV

После убийства 65
Арест и суд 70
Приговор. Прощание с матерью 73
Казнь 76

Цена 25 коп

БИБЛИОТЕКА
Ц.К.В.К.П. (б)
МОТЫАРГА

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Торговый Сектор Издательства „НОВАЯ МОСКВА“

Кузнецкий Мост, д. 1, телеф. 2-08-96.